

Борис Хавкин

Споры об учебниках истории в постсоветской России: «Тот, кто владеет прошлым – владеет будущим»

Было бы неверно полагать, что проблема преподавания истории (прежде всего – отечественной) в российских школах и вузах стала одной из наиболее актуальных лишь в постсоветское время. Еще задолго до этого в России воплотилась в жизнь метафора автора антиутопии 1984 Джорджа Оруэлла «Тот, кто владеет прошлым – владеет будущим». Со времен просветителей XVIII-XIX вв. государство Российское стремилось «овладеть прошлым» формируя господствующую государственную идеологию.

«Русское правительство, как обратное провидение, устраивает к лучшему не будущее, но прошедшее», – писал лидер русских революционеров-западников середины XIX в. Александр Герцен. Этим обстоятельством, очевидно, вызван особый интерес властей придерживающихся к тому, что написано о них и их предшественниках в школьном учебнике истории. Отсюда – постоянное «переписывание» истории, ведущее к распространенному взгляду на Россию как на «страну с непредсказуемым прошлым».

Какой же, с точки зрения властей, должна предстать для молодежи история России? На этот вопрос ответил начальник III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф корпуса жандармов при Николае I граф Александр фон Бенкендорф. Он по-военному ясно и четко сформулировал, какой, по мнению главного жандарма, должна быть русская история: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот (...) точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема».

Нужно признать, что «государственническая» концепция графа Бенкендорфа – при том, что при Советской власти содержание учебников изменилось кардинально – определяла идеологию изучения истории не только в царской России, но и в Советском Союзе. Эта тенденция сохраняется в России и в настоящее время.

Коммунистическая партия и ее руководители никогда не оставляли своим вниманием школьную историю. В мае 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин, как с гордостью отмечал нарком просвещения СССР Андрей Бубнов, «взял инициативу на себя и сам непосредственно строчку за строчкой, букву за буквой, запятую за запятой» отредактировал постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О

преподавании гражданской истории в школах СССР»¹, а потом столь же дотошно переписал и *Краткий курс истории СССР* – первый советский школьный учебник истории².

Краткий курс истории СССР был не только учебником, но и «идеологической прививкой для молодежи». Эта книга была послана на рецензию каждому секретарю обкома ВКП(б). Некоторые из них изучали текст буквально под лупой, что приводило к трагикомическим случаям. Так, секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) Павел Постышев обнаружил на напечатанных в учебнике портретах Пушкина и Сталина пятна, по форме напоминающие свастику. Постышев тут же пожаловался секретарю ЦК Андрею Жданову. Жданов попросил заведомо печати ЦК Льва Мехлиса разобраться. Изучив иллюстрации с лупой в руках, Мехлис резюмировал: «Не вижу никакой свастики. Постышев не там ищет врагов, где они имеются». Через два года Постышева расстреляли как врага народа³.

Краткий курс истории СССР и изданный в 1940 г. учебник *История СССР* для 10 класса средней школы⁴ оказали колоссальное идеологическое воздействие на многие поколения советских учеников и учителей. Эти учебники повлияли и на всю советскую историографию: структура, хронология, оценки и сталинская интерпретация истории как единого целенаправленного процесса оставались почти неизменными вплоть до последних лет существования СССР. В основе этой интерпретации – последовательная схема общественно-экономических формаций, борьба классов как главная движущая сила истории, всемирно-историческая миссия рабочего класса и его авангарда – коммунистической партии и, конечно же, несмотря на все преграды и трудности, построение социализма в СССР и грядущая победа коммунизма. Короче говоря, как шутили в советские времена, коммунизм неизбежен как конец света. Или же, как гласил лозунг на советском стрельбище, «наша цель – коммунизм». Принцип исторического детерминизма в преподавании истории был определяющим.

Так, например, как гласил советский учебник *История СССР* для 10 класса под редакцией академика Юрия Кукушкина, победа в Великой Отечественной войне (история Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в советских школах во многом подменяла историю Второй мировой войны 1939-1945 гг.) была предопределена тем, что «в мире нет сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, преданный своей социалистической Родине (...). Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне глубоко закономерна. Ее

¹ Постановление ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // *Историю – в школу: создание первых советских учебников*. Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 45-46.

² *Краткий курс истории СССР. Учебник для 4-го класса* / Под ред. проф. А.В. Шестакова. М., 1937.

³ *Историю – в школу: создание первых советских учебников*. Вестник архива Президента Российской Федерации. С. 12.

⁴ Базилевич, В., Бахрушин С., Панкратова А., Фохт А. *История СССР: Учебник для X класса средней школы*. М., 1940.

основы заложены в ходе тех огромных социально-экономических преобразований, которые были проведены в нашей стране за годы Советской власти, они – в идейно-политическом единстве советского общества, в тесной сплоченности советского народа вокруг Коммунистической партии»⁵.

Этот насквозь фальшивый и идеологизированный текст учебника школьники должны были учить в канун краха СССР и исторического поражения его коммунистической партии.

Суть советской схемы преподавания истории Великой Отечественной войны, созданной уже в первые послевоенные годы, хорошо передавала известная формула: «Десять сталинских ударов» (десять операций Красной армии 1944 г., не все из которых можно отнести к разряду важнейших) — лаконично, броско и «с именем Сталина на устах». Имя Сталина в хрущевские времена из учебников исчезло, но суть сталинской интерпретации истории осталась. Неудачи первого этапа Великой Отечественной войны объяснялись внезапностью германского нападения, «вероломством» Гитлера, подавляющим превосходством противника, на которого работала вся Европа. По такому шаблону писались учебники до начала 1990-х годов.

С крушением СССР закончилась, казалось, навсегда и монополия государственно-партийной власти на историю. Появились новые учебники, отражавшие разные точки зрения. Спектр оценок и мнений был широк: от консервативного учебника под редакцией В.П. Дмитренко⁶ до во многих отношениях революционного учебника И.И. Долуцкого⁷.

Для начала 1990-х годов был характерен «плюрализм» новых учебников. Учебники издавались без ограничений и практически без контроля со стороны государства, а их выбор принадлежал в первую очередь самому учителю. Конечно, на этот выбор могли влиять школа и местная администрация, но учитель в своем выборе не зависел от министерства образования, ограничившего свое вмешательство в процесс отбора учебной литературы министерскими грифами «допущено» или «рекомендовано». Так, в 1999 г. в России было издано порядка 1 152 учебников по всем предметам – вместо 140 в 1992 г.⁸

Учебников истории для всех классов, авторизованных министерством образования (а это почти все существующие на сегодняшний день учебники), издано 68 наименований; информационный уровень учебников для старших классов необычайно вырос в сравнении с их советскими предшественниками. Однако 68 наименований учебников для средней школы – это явный перебор.

⁵ Есаков, В., Кукушкин, Ю., Ненароков, А. История СССР. Учебник для 10 кл. средн. шк. / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1988. С. 118-119.

⁶ Боханов, А., Зырянов, П., Дмитренко, В. и др. История России. XX век: Учебное пособие / Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 2001.

⁷ Долуцкий, И. Отечественная история. XX век. Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996.

⁸ Пушкарева, Т. Совет Федерации о школьных учебниках // Учебники. Приложение к газете «Первое сентября». 16 мая 2000.

В России звучало и продолжает звучать множество голосов, особенно в Государственной Думе, в пользу предельного ограничения числа учебников, если не возвращения к единому обязательному для всех учебнику истории⁹.

Но каковы бы ни были намерения и идеологические предпочтения правительства (на сегодняшний день, видимо, не определившиеся окончательно), финансовые аппетиты различных лобби, действующих на гигантском рынке школьных учебников, столь сильны, что переход к единому учебнику маловероятен. К тому же подобный резкий разворот назад был бы воспринят как возврат к коммунистическому прошлому.

Но вскоре на смену «вольнице» «лихих 90-х» пришла «стабильность» 2000-х, а с нею и новый всплеск интереса власти к отечественной истории и ее преподаванию в школе. Стало очевидно, что школьная история занимает нынешнее Российское государство гораздо больше, чем все другие учебные предметы, вместе взятые – почти также как история занимала государство советское.

В 2002 г. с подачи тогдашнего премьер-министра России М.М. Касьянова Министерство образования объявило конкурс на выбор трех лучших учебников истории для 9–11-х классов. Образцовый учебник должен был:

- «– опираться на новейшие достижения современной исторической науки;
- представлять историю России в контексте всемирной истории;
- показывать историю России как историю многонационального государства;
- способствовать воспитанию патриотизма, гражданственности, общенационального самосознания, исторического оптимизма, уважения к историческому и культурному наследию народов России и всего мира, формированию ключевых социальных компетенций;
- служить важным фактором консолидации российского общества, органического восприятия учащимися значения демократических преобразований в обществе;
- исходить из целостного методологического представления авторов об отечественной истории и наличии в обществе альтернативных взглядов на историческое прошлое, отражать плюрализм в трактовках и подаче исторического материала;
- воспитывать молодежь в духе толерантности и уважения к иным взглядам и убеждениям, нетерпимости к любым формам расизма, национальной исключительности и экстремизма;
- предусматривать возможность включения в минимум содержания исторического образования — модуля, реализующего региональный компонент»¹⁰.

При всей своей либеральности и толерантности, эта программа, которая так и не была выполнена, обнаруживает тенденции, трудно совместимые друг с дру-

⁹ В июне 2010 г. государственно-патриотический клуб «Единой России» заявил о том, что необходим единый учебник истории // Новая газета. 19 июля 2010.

¹⁰ Цит. по приложению № 1 к решению министерства образования Российской Федерации от 16 января 2002 г. № 100.

гом. Среди них просматриваются влияние общеевропейских образовательных программ, элементы перестроечных дебатов (в частности, неясная фраза про «иные взгляды и убеждения», напоминающая о дискуссиях об альтернативных путях российской истории) и очевидное желание поощрить патриотическое воспитание. Учебнику истории отводится миссия консолидации российской политической нации. Как важный инструмент социального и политического согласия, он должен сгладить конфликты и примирить российское общество со своим прошлым. То есть выразить различные мнения о прошлом. Можно сказать, что «плюрализм» должен стать внутренним качеством учебников.

Однако плюрализм в одной «отдельно взятой» голове учителя или школьника – это шизофрения. Создатели *Основ курса истории России*, как и большинство авторов учебников, в особенности в разделах и главах, посвященных советскому периоду, отличаются стремлением избегать крайностей и сохранять «взвешенный» подход. Такое стремление «и невинность соблюсти и капитал приобрести» приводит к очевидным нестыковкам. Авторы, например, утверждают, что «политическое развитие» СССР в 1930-е годы было крайне «противоречивым», ибо «шел процесс расширения и юридического закрепления демократических реформ» (речь идет о Конституции 1936 г!), в то время как «репрессивная роль государства возросла»¹¹.

Как сформулировал во введении автор одного из учебников для 11 класса Г.К. Селезнев, «историк должен избегать жестких, одноплановых оценок и объяснений, ибо в современном российском обществе былого единогласия уже нет. В соответствии с действующей Конституцией в России нет официальной идеологии, признается идеологическое и политическое многообразие, многопартийность»¹².

Авторам учебников трудно отказаться от привычных стереотипов и терминов. Понятия «первобытно-общинный строй», «феодализм», «капитализм», «социализм» используют, возможно, даже не задумываясь об их идеологической ангажированности¹³. К тому же для молодого поколения эти термины утратили первоначальный смысл.

Терминологическая нечеткость характерна для многих «перестроечных» учебников. Так, учебник для 9 класса А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной *История России. XX век* начинается со слов о том, что «Реформы 60–70-х годов XIX века привели к бурному развитию производительных сил и окончательному утверждению капиталистического способа производства». Но чуть дальше мы находим менее привычные для России термины: «преодоление разрыва», «модернизация», «ин-

¹¹ Орлов, А., Георгиев, В., Полюнов, А., Терещенко, Ю. Основы курса истории России. М., 1999. С. 510.

¹² Селезнев, Г. Новейшая история России и Запад (1985–1997 гг.). М., 1998.

¹³ Там же. С. 17.

дустриальное общество». Наконец, события 1917 года охарактеризованы как «революционная бездна»¹⁴.

В учебниках широко используются советизмы – остатки всемогущего в недавнем прошлом советского «новояза», на рубеже XX-XXI веков потерявшего свою былую силу. Использующие советизмы авторы скорее страдают концептуальной слабостью, чем придерживаются коммунистических идеологических убеждений. Ностальгия по глобальной концепции, объясняющей всю историю, редко оборачивается возвратом к советским догмам. Если и случаются попытки таких обобщений, их чаще можно обнаружить в том, что сегодня называется «цивилизационным подходом» (конструкции в духе А. Тойнби или, точнее, Н.Я. Данилевского, автора *России и Европы*¹⁵) или же «культурологией». Первый, в частности, вызвал такую реакцию у историка А.Б. Каменского: «историки, и прежде всего историки-преподаватели, стали ощущать, что традиционный для нас системный подход к преподаванию истории (...) непременно требует наличия некоей универсальной теории, позволяющей объяснить весь исторический процесс столь же легко и доступно, как это можно было сделать с помощью исторического материализма. Своего рода спасательным кругом в этой ситуации стал так называемый "цивилизационный подход". Причем многие историки, как в исследовательской практике, так и в преподавании, попытались попросту автоматически заменить понятие "общественно-экономическая формация" понятием "цивилизация"»¹⁶.

При всем том, традиционная схема, опиравшаяся на идею непрерывного прогресса человечества с момента его зарождения до сегодняшнего дня, все еще работает. Уже не с социально-экономическими формациями (все еще появляющимися тут и там, за неимением лучшего), а с историей государства или нации. Такой термин как «прогрессивный» (более частый, чем «реакционный», который меньше подчеркивает национальную проблематику), по-прежнему в ходу, не говоря уже об извечном «развитии». Эти термины чаще накладываются на историю дореволюционной России, чем на более спорный советский период. Например, в учебнике для 6–7-х классов с показательным названием *История отечества* читаем: «Принятие христианства было прогрессивным явлением для молодого Русского государства»¹⁷. Помимо двух первых слов, предложение представляет собой советский «новояз», да и фраза эта могла бы быть написана много десятилетий назад. Правда, отсылает она к формированию нации, а не, как раньше, к борьбе классов.

Старые идеологические приемы – замалчивание, подтасовки фактов и прямые фальсификации – живы на страницах учебников, если они рядятся в националь-

¹⁴ Данилов, А., Косулина, Л. История России. XX век. Учебник для 9-го класса общеобразовательных учреждений. М., 1998.

¹⁵ Данилевский, Н. Россия и Европа. М., 1991.

¹⁶ Каменский, А. Заметки об истории и историках // Неприкосновенный запас. 2000. №3. С. 6.

¹⁷ Преображенский, А., Рыбаков, Б. История отечества. М., 1998. С. 38.

ные одежды. Национализм до известной степени заменил в учебниках коммунистическую идеологию. Причем, некоторые учебники проникнуты национализмом насквозь.

Историк А. Боханов, автор одного из них, не стесняясь, развивает откровенно националистические, если не ксенофобские, взгляды. Он пишет о российской царской и имперской экспансии в следующих выражениях: «Присоединение Казани, Крыма, Северного Кавказа, прибалтийских и западных районов вызывалось потребностью правителей России обезопасить государственные рубежи. Варварские и жестокие набеги и нашествия соседей, которые столетиями приходилось выдерживать России, разоряли страну, препятствовали ее спокойному и поступательному развитию. Здесь заключена одна из причин той самой "отсталости России", о которой всегда так много писали». И далее: «Украина и Грузия добровольно пришли под власть царя. Православным украинцам грозила поголовная католизация (насильственный переход в католичество), беспощадное "ополячивание", превращение в полных рабов "польских панов"». Далее автор рисует идиллическую картину Российской империи, где, по его мнению, нации сосуществовали в совершенной гармонии. Он доходит до заявлений о том, что изучение русского языка «никому не навязывалось». Саму Россию он описывает, исходя из иерархического принципа, как «уникальное явление, создаваемое, укрепляемое трудами, заботами, стараниями царей, императоров, великих князей, полководцев, многих других государственных мужей, самопожертвованием миллионов и миллионов простых смертных». Эта Россия опирается на «русский исторический тип», определяемый автором с помощью цитаты эмигрантского писателя Ивана Шмелева: «Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский. Кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою Историю, Русскую Историю, великие ее страницы. Кто чтит родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты – для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: Она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым»¹⁸. Однако учебник А.Н. Боханова является, скорее, исключением. Кроме того, на нем нет грифа министерства образования. Тем не менее, он заслуживает упоминания, поскольку гарантом его научности выступил А.Н. Сахаров, бывший тогда директором Института российской истории, в котором автор учебника работает научным сотрудником.

Наиболее опасные и лживые формы национализма встречаются в пособиях для младших классов. Национализм доходит там до пределов, о которых едва ли кто догадывается: ведь в прессе дискуссий о них почти не ведется. Эти книги обычно задуманы как введение в историю – они должны привить детям вкус к предмету, который не преподается в младших классах как самостоятельный, с

¹⁸ Боханов, А. История России (XIX – начало XX века) / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1998. С. 7-9.

собственной программой. Посвященные национальной истории, они предлагают не только упрощенное, но и обедненное ее видение. Прежде всего, это – история героическая, легендарная, часто страдающая анахронизмами; история, в которой легко смешиваются предполагаемая реальность, художественный вымысел, выдумка и поучительные и идеализированные представления. Так, из цветного альбома по истории девятилетний третьеклассник узнает, что в неназванную эпоху – судя по всему, в XII или XIII веках – «трудные времена были на Руси, часто нападали враги лютые, и защищали богатыри могучие Русь-матушку». Затем нам сообщают, что эти враги (монголы!) были армией басурман, т.е. мусульман (однако монголы в то время были язычники, а устаревшее слово «басурманин» имеет выраженный негативный уничижительный акцент). И это предлагается в качестве учебного текста детям в России, где мусульмане составляют более 20% населения¹⁹.

Согласно этим учебным книжкам, псевдооснование Москвы (правильней говорить о первом упоминании в летописи), датируемое 1147 годом, было результатом великого политического замысла. Уже князь Юрий Долгорукий помышлял о том, чтобы ковать здесь «мечи и орала», чтобы укрепить русскую землю, дробившуюся на мелкие княжества²⁰. Московский князь Иван Калита в 1327 году сговорился с татарами ради уничтожения русского города Твери? Казалось бы, сотрудничество с врагом и борьба против своих – это предосудительный поступок, а для православного князя-патриота и вовсе грех. Но этот разгром Твери авторы учебника объясняют «мудростью» Ивана Калиты, думавшего о будущем страны: «Тверь пострадала. Русь сохранилась»²¹. Такова сегодня гегелевско-сталинская диалектика исторического процесса в изложении для средней школы.

Представлению о мирном объединении русских земель вокруг Москвы отчасти противоречит образ врага и нескончаемых войн, которые московская Русь была вынуждена вести со своими соседями. Среди агрессоров играли важнейшую роль татары: они мечтали о завоевании «православной златоглавой Москвы»²². Татарин-мусульманин (басурманин) – это враг, которого, связанного по рукам и ногам, русский богатырь приводит князю в подарок²³. Позднее на Русь приходят другие враги: «европейские» рыцари, т.е. немцы и шведы, в XIII в.²⁴, польские захватчики – они же «феодалы» с «видами на Россию» – в Смутное время²⁵, затем в 1812 г. Наполеон и, наконец, в 1941 г. нацистская Германия. Русские завоевания никогда открыто не упоминаются: самое большее, говорится, что Екатери-

¹⁹ Саплина, Е., Саплин, А. Введение в историю. С богатырем в древнюю Русь. М., 1999. С. 12, 14.

²⁰ Климанова, Л., Горецкий, В., Ильенко, Л. Московия. Т. 1. М., 1999. С. 8-13.

²¹ Преображенский, А., Рыбаков, Б. Указ. соч. С. 86-87.

²² Зунина, О. Московведение. М., 1998. С. 78.

²³ Саплина, Е., Саплин А. Указ. соч. С. 58.

²⁴ Данилов, Д., Тырин, С. Мое Отечество: Вводный курс истории и обществознания. Учебник для 3 класса. М., 2005. С. 36-37.

²⁵ Климанова, Л. и др. Указ. соч. С. 97.

на II «раздвинула границы» России²⁶ и «отвоевала» Крым, как если бы Крым был русским в каком-то неопределенном прошлом²⁷. Что же касается последствий этого расширения границ, то они подаются крайне хвалебно, в согласии с теорией «меньшего зла», изобретенной в сталинском СССР. Включение нерусских территорий и их населения в состав империи провозглашается благом: это якобы было для них выгодно. Более того, некоторые авторы решаются утверждать, что ни русификации так называемых «национальных окраин», ни насильственного обращения их жителей в православие никогда не было²⁸.

27 ноября 2003 г. тогдашний (и будущий) президент России Владимир Путин на встрече с историками сформулировал задачу почти со сталинской прямоотой: «В свое время историки напирали на негатив, так как была задача разрушить прежнюю систему (...). Сейчас у нас иная – созидательная задача», и учебники «должны воспитывать у молодежи чувство гордости за свою историю и свою страну». Первый удар тотчас был нанесен по учебнику Долуцкого. Его лишили грифа «допущено» и тем самым фактически убрали из школ.

Кампания «воспитания гордости» набирала обороты. В июне 2007 года Владимир Путин, выступая перед участниками Всероссийской конференции преподавателей общественных дисциплин, обвинил историков-вольнодумцев едва ли не в государственной измене: «Многие учебники пишут люди, которые работают за иностранные гранты. Так они исполняют польку-бабочку, которую заказывают те, кто платит»²⁹. Команда «фас» прозвучала. Хотя на стеллажах со школьными учебниками крупных книжных магазинов плюрализм оценок и подходов 90-х никуда не делся: на полках покупатель обнаружит с полдюжины учебников истории XX века. Но это, увы, только на стеллажах. Окружные и районные методисты уже давно без всякого стеснения рекомендуют учителям пользоваться «правильными учебниками». На интернет-форумах можно прочесть немало историй, как преподаватели заказывали одни учебники, а получали другие – «рекомендованные».

В числе «рекомендованных», безусловно, лидирует «доработанный и дополненный» учебник А.А. Данилова и его соавторов. Здесь что ни страница, то, мягко говоря, сюрприз. Чего стоит такой тезис: «Активными усилиями и сложнейшими дипломатическими комбинациями руководству СССР удалось отсрочить вступление страны в мировую войну почти на 2 года»³⁰. А мы-то до сих пор думали, что СССР вступил во Вторую мировую войну на 17-й день, начав 17 сентября 1939 года «освободительный поход» в Восточную Польшу, захватил огромные территории и выставил себя в глазах всего цивилизованного мира пособни-

²⁶ Данилов, Д., Тырин, С. Указ. соч. С. 32.

²⁷ Ворожейкина, Н., Виноградова, Н., Заяц, Д. Наша Родина и современный мир. Беседы о России. 4 класс. М., 2006. С. 125-126.

²⁸ Преображенский, А., Рыбаков, Б. Указ. соч. С. 283.

²⁹ Кузнецов, А. Направление главного удара // New Times (Новое время). №18. 11 мая 2009.

³⁰ Данилов, А., Косулина, Л., Брандт, М. История России. XX – начало XXI века. 9 класс. М., 2008. С. 205.

ком Гитлера. Из этого учебника мы узнаём, что численность советской и германской группировок к 22 июня 1941 г. составила примерно по 6 млн. человек. При этом немцам приплюсованы итальянские и венгерские дивизии (общим числом до полумиллиона человек), появившиеся на Восточном фронте только в 1942 году; ни слова не сказано о том, что уже к началу июля 1941 г. под ружьем в СССР было около 10 млн. человек³¹. Данные о численности советских танков и самолетов на начало войны (9,2 тыс. и 8,5 тыс. соответственно), фигурирующие в учебнике, ничего, кроме удивления, вызвать не могут: самые скромные из имеющихся оценок дают число танков в два, самолетов – в полтора раза большее, чем приводится в этом учебнике³². В общем, все те же или почти те же «сталинские удары».

Из методического пособия к новому учебнику *История России 1900–1945* под редакцией того же А.А. Данилова мы узнаем, что «поход» 1939 года (то есть оккупация западных областей Украины и Белоруссии в соответствии с пактом Риббентропа-Молотова) был «не что иное, как освобождение части Отечества», а Англии и Франции советско-финская война была нужна для того, чтобы «спланировать и осуществить широкомасштабную военную операцию против СССР сразу с нескольких направлений»³³. На самом же деле лишь после нападения СССР на Финляндию европейские страны начали строить планы помощи Финляндии как стране, пострадавшей от агрессии. Читателю сообщают, что «законы военного времени действовали во всех воюющих странах с равной степенью жестокости» – это при том, что ни заградотрядов, ни уголовного наказания за опоздание на работу, ни отношения к пленным как к предателям у союзников СССР по антигитлеровской коалиции и в помине не было³⁴. Очевидно, так требуется преподавать историю с позиции интересов России, о чем не раз говорили ее политические руководители³⁵.

Школьный учебник истории и государственная политика – так называется коллективный труд, подготовленный Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Это досье на все существующие учебники истории «прежней либеральной генерации». Работа содержит и рекомендации, каким должен быть учебник истории для российских школьников. Для авторов представления прежних лет о том, что он должен быть интересным, емким, наконец, научным, – не актуальны. «Следует осознать значение школьного учебника, как и школьного урока, в качестве государственного политико-управленческого инструментария», – утверждают они. «Ответом на деидеологизацию долж-

³¹ Там же. С. 209; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.

³² 1941 год – уроки и выводы. М., 1992.

³³ Данилов, А. История России, 1900–1945. 11 класс. Методическое пособие. М., 2008. С. 173–174. http://www.prosv.ru/ebooks/Danilov_Istoria_1900-1945/16.html.

³⁴ Данилов, А. Указ. соч. С. 196.

³⁵ Как преподавать новейшую историю и обществознание с позиции интересов России // Вестник образования. 2007. №13.

но стать формированием новой государственнической идеологии, на разрушение преемственности поколений – обоснование исторического преемства, на негативизацию прошлого – создание галереи положительных примеров и т.д.»³⁶.

По мнению создателей этого труда, такие ценности как гражданское общество, нравственные императивы, непредвзятость истории для школы не актуальны. Их должны заменить государственные задачи и национальные интересы. Для этого авторы работы «Школьный учебник истории и государственная политика» рекомендуют переписать школьные учебники, в сущности, по завету графа Бенкендорфа:

«При разборе событий внешней политики Российской империи в царствование Екатерины II (учебник Л.А. Кацвы и А.Л. Юрганова³⁷) конечный вывод звучит следующим образом: "Однако все эти успехи были оплачены непомерно высокой ценой — кровью тысяч русских солдат и громадными затратами хозяйственных ресурсов. Не следует забывать и об агрессивном, захватническом характере войн Российской империи во второй половине XVIII века". Похоже, что авторам не знакомо понятие государственных интересов и естественных границ. Участие России в разделах Польши также оценивается как акт агрессии против суверенного государства»³⁸.

Еще один пример: «Если мы возьмем учебник П.Н. Зырянова («История России XIX век, 8 класс»), то при его анализе нам сразу же бросится в глаза либеральная ангажированность автора. При описании проектов и попыток реформ в начале царствования Александра I (Негласный комитет и М.А. Сперанский) и Александра II без критики принимается тезис о либеральных реформах как наиболее оптимальном пути развития России. Данный учебник, следовательно, имеет явно западническую окраску. При этом критической проверки на основе фактов того, насколько в действительности применим и реален в русских условиях либеральный проект для России, не производится», – утверждает в книге *Школьный учебник истории и государственная политика*³⁹.

«Антиправительственные идеи будущих декабристов оцениваются в целом в положительной тональности как прогрессивные и направленные против деспотизма и произвола власти. При этом совершенно упускаются из виду некоторые принципиально важные моменты. Так, ни в одном из учебников не акцентируется внимание на чужеродном характере истоков декабристских идей», – пишут охранители чистоты государственнической идеологии⁴⁰.

³⁶ Багдасарян, В., Абдулаев, Э., Клычников, В., Ларионов, А., Морозов, А., Орлов, И., Строганова, С. Школьный учебник истории и государственная политика / Под ред. В.И. Якунина. М., 2009.

³⁷ Кацва, Л., Юрганов, А. История России, конец XVI - XVIII в. 7 класс. М., 2009.

³⁸ История без права переписки // Новая газета. 6 июля 2009. <http://www.novayagazeta.ru/politics/44442.html>.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

«Поражает абсолютно безэмоциональное описание событий Великой Отечественной войны во всех упомянутых учебниках по истории XX века. (...) Игнорируется ключевая роль *русского* (выделено мной – Б.Х.) народа в достижении победы над Германией. В учебнике для 9-го класса А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной⁴¹ введен даже специальный пункт "Многонациональный советский народ на фронтах войны". Интерпретация событий в этом пункте способна привести к формированию у учащихся стереотипа, будто вклад в победу у всех народов СССР был одинаков... Характерным моментом в значительной части учебников истории является нивелирование роли русского народа в построении российского государства. Умаление государствообразующей роли русского народа следует считать константой школьных программ»⁴².

«Когда заходит речь о сталинской депортации народов, факты представляются таким образом, что складывается представление о бессмысленном произволе тоталитарного государства при умолчании о массовом сотрудничестве чеченцев и крымских татар с гитлеровцами. Такая "фигура умолчания" употреблена в отношении профашистского националистического движения на Западной Украине и в Прибалтике»⁴³.

Разумеется, во всем виноваты «проклятые 90-е» и либеральные реформы: «Особого разговора заслуживает освещение в учебниках событий новейшей российской истории 1992–2000 гг. Действия власти продолжают упорно именоваться реформами, хотя правильнее было бы назвать их разрушением всех сфер жизни общества и экономики. При описании боевых действий в Чечне игнорируется антирусский, антиправославный и исламистский характер чеченских террористов», – утверждают авторы книги *Школьный учебник истории и государственная политика*⁴⁴.

Отдельного разговора заслуживает книга для учителя *Новейшая история России 1945-2006 гг.*, написанная А.В. Филипповым⁴⁵. Автор этого пособия идет на прямые фальсификации. Чего стоит, например, приводимое в книге (без ссылки на источник) сомнительное высказывание о Сталине, приписываемое сталинистами Черчиллю. По Филиппову, Черчилль якобы пишет, что «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой»⁴⁶.

Отметим, что англоязычный оригинал этого высказывания Черчилля просто не существует: это просто фальсификация, попавшая в англоязычную речевую среду в переводе с русского языка⁴⁷.

⁴¹ Данилов, А., Косулина, Л. Указ. соч.

⁴² История без права переписки.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Филиппов, А. Новейшая история России 1945-2006 гг. Книга для учителя. М., 2007.

⁴⁶ Филиппов, А. Указ. соч. С. 81.

⁴⁷ Лебедев, В. Песни восточных славян или рождение мифа. <http://www.lebed.com/2005/art4186.htm>; Лавров, В., Курляндский, И. Пособие по истории. Филиппики. Рекомендованное

В современный русский политический дискурс этот панегирик Сталину ввела в 1988 г. автор манифеста неосталинистов Нина Андреева⁴⁸. Может быть поэтому приписываемые «злейшему союзнику» Сталина хвалебные слова особенно любимы неосталинистами.

По Филиппову, «Советский Союз не был демократией, но он был примером лучшего, справедливого общества для многих миллионов людей во всем мире»⁴⁹. Сталина Филиппов рассматривает «как наиболее успешного руководителя СССР»⁵⁰.

Подчеркивание «противоречивости» личности Сталина – избитый прием коммунистической публицистики. Филиппов использует его для исторического оправдания Сталина: «для одних он – герой и организатор Победы в годы Великой Отечественной войны. Для других – воплощение зла»⁵¹.

Однако «положительное» отношение к Сталину явно преобладает: Филиппов приводит результаты проведенного в феврале 2006 г. социологического опроса, по которому на вопрос «Какую роль Сталин сыграл в истории России – положительную или отрицательную?», 47% респондентов ответили – «положительную»; 29% – «отрицательную», а 24% затруднились с ответом⁵².

Филиппов усиленно муссирует тезис об «успешности» Сталина: «Именно в период его руководства была расширена территория страны, достигшая границ бывшей Российской империи» [а где-то превзошедшая их]; одержана победа в величайшей из войн – Великой Отечественной войне; осуществлена индустриализация экономики и культурная революция»⁵³.

Однако расширение территорий СССР и воссоздание Российской империи – это далеко не одно и то же. Отечественной войны могло бы не быть, если бы Сталин в 1939–1941 гг. не был фактическим союзником Гитлера, а невиданные военные жертвы СССР были во многом предопределены предвоенной политикой Сталина. Индустриализация успешно осуществлялась еще в Российской империи, а введение всеобщего начального образования в России пошло еще при императоре Николае II.

Филиппов пишет, что при Сталине «СССР вошел в число передовых государств в области развития науки»⁵⁴. Этот тезис справедлив в отношении тех наук, которые были востребованы военно-промышленным комплексом. Однако гуманитарные науки при Сталине владели жалкое существование под прессом идеологического давления и насильственной догматизации, страха малейшего

пособие А.В. Филиппова по новейшей истории России прочли эксперты РАН // Новая газета. 17 марта 2008.

⁴⁸ Андреева, Н. Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 13 марта 1988.

⁴⁹ Филиппов, А. Указ. соч. С. 6.

⁵⁰ Там же. С. 93. Приписываемого Филиппову высказывания о Сталине как «эффективном менеджере» в книге нет: оно принадлежит школьнице, интерпретировавшей текст Филиппова.

⁵¹ Филиппов, А. Указ. соч. С. 81.

⁵² Цит. по: Филиппов, А. Указ. соч. С. 93.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

отступления от «единственно правильной» партийной линии. Ряд наук был подвергнут погромам в духе средневековья (генетика, квантовая физика, теория относительности, педология и др.). Хотя Филиппов признает, что успехи сталинского СССР «достигались жесточайшей эксплуатацией населения»⁵⁵, но делает это как-то вскользь и избегает вопроса: а что же это за социализм и зачем такой социализм, если при нем процветает жесточайшая эксплуатация? Упомянул Филиппов о «небезопасности жизни» и «волнах репрессий», о «низком уровне жизни» при Сталине, но никакого вывода из этого в книге не следует – только расплывчатая сентенция «все это не способствовало укреплению нравственного климата в стране»⁵⁶.

Несмотря на острую критику книги Филиппова представителями российской научной и педагогической общественности⁵⁷, на основе книги Филиппова был разработан новый учебник, который с 2008/2009 учебного года «допущен министерством образования и науки РФ к использованию в российских школах».

Учебник для 11-го класса, представляющий собой отредактированный вариант книги Филиппова, теперь позиционируется как прошедший «чистку в направлении деконцептуализации» и противопоставляется остальным существующим учебникам истории, которые объявляются недостаточно патриотичными⁵⁸. Однако этот «учебник оставляет тяжелое впечатление. Если называть вещи своими именами – это прямая, циническая реабилитация Сталина и сталищины. Всё, что можно было сделать для обеления Сталина, всё сделано», – отмечает историк Ирина Карацуба⁵⁹.

Авторы ряда учебников по новейшей истории России зачастую переходят рубеж, существующий между историей как наукой о прошлом и политологией, описывающей текущий политический процесс. Очевидно, что события XXI в., даже те, которые уже состоялись, еще не «отстоялись», не стали историей в полном смысле этого слова. «Ходить бывает склизко по камешкам иным. Итак, о том, что близко, мы лучше умолчим», – еще в 1868 г. писал граф А.К. Толстой, автор сатирической «Истории государства Российского от Гостомысла до Тима-

⁵⁵ Там же. С. 94.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Органичные недостатки книги для учителей делают ее непригодной как методологической основы преподавания отечественной истории. Книга декларирует своей главной задачей формирование четкой гражданской позиции у школьников (с. 5), но на деле служит воспитанию циничных и безнравственных людей, готовых строить свою жизнь по принципу "цель оправдывает средства". Вопрос: зачем именно такой прокоммунистический труд предлагается, подобно "Краткому курсу истории ВКП (б)", в качестве основного методологического пособия при преподавании истории?» Лавров, В., Курляндский, И. Пособие по истории. Филиппики. Рекомендованное пособие А.В. Филиппова по новейшей истории России прочли эксперты РАН // Новая газета. 17 марта 2008.

⁵⁸ История России. 1900-1945 / Под ред. А. Филиппова, А. Данилова. М., 2009.

⁵⁹ «Учебник Филиппова»: продолжение последовало. Уроки истории XX век. <http://www.urokiistorii.ru/current/view/2009/10/uchebnik-filippova>.

шева»⁶⁰. О нынешних правителях российских в учебниках говорится «или хорошо или ничего».

«Избрание в марте 2004 года В.В. Путина Президентом РФ на новый срок обеспечило рост политической стабильности в обществе и позволило продолжить курс на укрепление российской государственности»; «выбранный Россией путь возвращения к вековым цивилизационным ценностям дает свои позитивные плоды», – гласит учебник В.А. Шестакова⁶¹. В современной России достигнуто «укрепление единства страны; построение "вертикали власти"; устойчивое развитие экономики; улучшение качества жизни населения страны», – вторит ему учебник А.А. Левандовского, Ю.А. Щетинова и С.В. Мироненко⁶².

В учебнике Н.В. Загладина, С.И. Козленко, С.Т. Минакова, Ю.А. Петрова, когда речь заходит о современной России, меняется даже характер изложения: аналитика подменяется лозунгами. Исчезают имеющиеся в прежних главах статистические данные и конкретные примеры, характеризующие, в частности, экономическую ситуацию. Рост экономики России после 2000 г. авторы не связывают с ценами на нефть на мировом рынке. «С избранием Президентом В.В. Путина отношения со странами Запада стали более открытыми, динамичными и гибкими», – утверждают авторы учебника. Популярность фигуры Путина они объясняют тем, что «патриотизм, моральные ценности, забота о национальном достоинстве и безопасности страны стали стержнем его выступлений». Происходит подмена реальных оценок того, что сделано, декларируемыми целями. Отношение к власти описывается в учебнике от лица абстрактного субъекта: «страна восприняла это как ...», «широкий резонанс в обществе вызвало ...», «цели Президента (...) встретили одобрение и резонанс большинства граждан России»⁶³.

В некритическом отношении к нынешней власти превосходит других учебник А.О. Чубарьяна, А.А. Данилова, Е.И. Пивовара. «В стране идет процесс консолидации общественных сил, прочнее становится стабильность России. Продолжается курс либеральных экономических реформ. В стране отмечается устойчивый рост отечественного производства, укрепляются связи бизнеса и государственной власти», – утверждают авторы⁶⁴. Каждый из этих тезисов, по меньшей мере, спорен: российское общество расколото, внутренняя стабильность под угрозой, либеральные реформы в основном потерпели неудачу, а о коррупции как форме связи государственной власти и бизнеса не говорит только ленивый.

⁶⁰ Толстой, А. Сочинения. 2 тома. М., 1981. Т. 1. Стихотворения.

⁶¹ Шестаков, В. История России XX – начала XXI века. Учебник под ред. А.Н. Сахарова. 11 класс. М., 2007. С. 388, 392.

⁶² Левандовский, А., Щетинов, Ю., Мироненко С. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М., 2007.

⁶³ Загладин, Н., Козленко, С., Минаков, С., Петров, Ю. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М., 2007. С. 440, 454.

⁶⁴ Чубарьян, А., Данилов, А., Пивовар, Е. Отечественная история XX – начала XXI века. 11 класс. М., 2006. С. 256.

Приносят ли подобные учебники пользу обществу или наносят ему ущерб? Ответ на этот вопрос содержит заявление Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»: Эти учебники «лишают народ Российской Федерации его уникального и трагического прошлого, подрывают основы национальной идентичности, уничтожают связь между поколениями, размывают нравственные ориентиры молодежи, вызывают трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывают уважение к России за рубежом»⁶⁵. С такой оценкой вполне можно согласиться.

Российское общество ныне переживает очередной «исторической парадокс»: С одной стороны, в России продолжают выходить серьезные исторические исследования, правдивые документальные и художественные фильмы; с другой – в учебники возвращаются в худшем своем варианте державная риторика, плохо прикрытая апологетика Сталина и настойчивые призывы войти в положение советской власти, у которой «не было другого выхода», кроме как гнобить свой народ. Такова новая российская диалектика.

До тех пор, пока история будет не просто наукой или школьным предметом, а хранительницей государственной идеологии, средством легитимации каждого нового правителя и его приближенных, как бы эти правители ни назывались – князья, цари, императоры, генсеки, или президенты – Россия останется страной с непредсказуемым прошлым.

⁶⁵ О новой Комиссии при Президенте Российской Федерации. Заявление общества «Мемориал» от 22 мая 2009 г. в связи с созданием «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Мемориал. <http://www.memo.ru/2009/05/22/komissia.htm>.